

В этом позиция английского романиста XX в. близка позиции средневекового автора, который воспринимал искусство как отражение Божественной мысли и приобщение к сакральной истине.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы: роман «Двойной язык» стал итогом размышлений У. Голдинга о двойственности мира и человеческой природы, о потере и обретении веры в Бога, о постижении себя и сущности своего творчества. Доминирующим мотивом романа является мотив поиска Бога. Как и роман «Бумажные людишки», «Двойной язык» раскрывает тему судьбы писателя и его наследия в руках критика. «Пророк из Солсбери» воспринимал творчество как Божественное откровение.

Литература

1. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: канонич.: с парал. местами: [синод. пер.]. – Брест: Благовест, 2013. – 292 с.
2. Голдинг, У. Зримая тьма; Бумажные людишки; Двойной язык: романы: пер. с англ. / У. Голдинг. – Москва: АСТ; ЛЮКС, 2004. – 652 с.
3. Шанина, Ю. Категория божественного в произведениях У. Голдинга [Электронный ресурс] / Ю. А. Шанина, А. А. Федоров // Киберленинка: науч. электрон. б-ка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-bozhestvennogo-v-proizvedeniyah-u-goldinga>. – Дата доступа: 22.03.2018.
4. Stape, J. H. The artful equivocation of William Golding's *The double tongue* [Electronic resource] / J. H. Stape // JSTOR Library. – Mode of access: <http://www.jstor.org/stable/3176024>. – Date of access: 22.03.2018.

А. И. Ковалева

СЛОВА С РАЗЛИЧНОЙ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМОЙ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Проблема изучения внутренней формы слова (далее – ВФС) является одной из актуальных для современной лингвистики, поскольку, несмотря на долгую историю своего существования и широкую область употребления, данное понятие все еще не получило в языкознании единой трактовки. Традиционно в словарях лингвистических терминов ВФС толкуется как «семантическая и структурная соотнесенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка; признак, положенный в основу *номинации*» [1], однако вопрос о сущности и статусе ВФС все еще остается дискуссионным.

Анализ феномена ВФС в сопоставительном аспекте, то есть рассмотрение ВФ лексико-семантических коррелятов, под которыми мы понимаем лексико-семантический вариант слова исходного языка (Я1) и его наиболее точный эквивалент в языке перевода (Я2), в двух и более языках позволяет приблизиться к постижению языковых картин мира, черты которых рельефнее вырисовываются при сравнении фактов одного языка с фактами другого.

Кроме того, анализ ВФС в сопоставлении помогает выявить некоторые структурно-семантические особенности сопоставляемых языков. В границах данного исследования, которое представляет собой сопоставление семантических коррелятов русского и белорусского языков с различной ВФС и базируется на материале 1207 пар таких коррелятов, выбранных из «Русско-белорусского словаря» и «Белорусско-русского словаря» НАН Беларуси, было обнаружено, что для ряда белорусских эквивалентов, в отличие от русских, характерно использование конфикса *пры – ак* со значением неполной идентичности предмету, названному производящим словом, неполноты проявления его признака: бел. *прысвятак* – ‘невялікае свята’, бел. *прымаразак* – ‘легкія маразы, звычайна ранішнія або начныя’, бел. *прылесак* – ‘малады, дробны лес, які расце каля старога’. Отсутствие данного словообразовательного типа в русском языке обуславливает различие между русскими и белорусскими эквивалентами во ВФС и случаи лексических лакун. Так, в паре бел. *прымаразак* – рус. *утренник* ВФС белорусского коррелята соотносит его с гиперонимом, а конфикс вносит значение неполноты проявления признака. ВФ

русского слова актуализирует признак «время появления». Случаи же лакунарности вроде бел. *прылесак* – рус. *молодой лес* и бел. *прысвятак* – рус. *небольшой праздник* находятся на периферии групп коррелятов с разной и одинаковой ВФС, поскольку, с одной стороны, очевидна структурная разница между номинациями: белорусские эквиваленты демонстрируют опору только на 1 корневой элемент, русские описательные – на 2. С другой стороны, конфикс *пры – ак*, входящий в состав белорусских эквивалентов, передает семантику, выраженную в русском варианте словами другого корня, а именно: *молодой, небольшой, слабый*.

В русском языке также существуют отсубстантивные существительные с префиксом *при-*, которые называют предмет, явление, такое же, как названное мотивирующим словом, но носящее дополнительный, добавочный, сопровождающий характер [2]. Однако данный словообразовательный тип характерен и для белорусского языка и различие во ВФС между русскими и белорусскими коррелятами, принадлежащими к этому типу, не наблюдается: *призвук – прызук, присвист – прысвіст, прическа – прыческа*.

Из этого следует, что отсутствие словообразовательного типа, характерного для Я1, в Я2 может сопровождаться явлениями лакунарности или иной ВФС соответствующего коррелята, а наличие одного и того же словообразовательного типа в обоих языках способствует идентичности ВФ семантических коррелятов. Однако анализ иных словообразовательных типов отрицает прямую зависимость между этими явлениями. При анализе русских соответствий белорусских существительных, принадлежащих к словообразовательному отсубстантивному типу с конфиксом *ус/уз – ак/ек* со значением ‘предмет, пространство, которое находится около, на краю того, что названо мотивирующим словом’ обнаруживается, что, несмотря на то, что в русском языке данный словообразовательный тип отсутствует, русским коррелятам может быть свойственна та же ВФ, что и белорусским (бел. *узмежак* – рус. *обмежек* ‘край границы’, бел. *ускраек* – рус. *край*).

Несмотря на то, что отсубстантивный словообразовательный тип с конфиксом *пры-ак / при-ок* со значением пространственной близости имеется и в русском, и в белорусском языках, в границах нашего материала выявлены русские эквиваленты белорусских коррелятов, которые представляют собой соответствия с принципиально иной ВФС (бел. *прыдашак* – рус. *навес* (при стене), бел. *прыполак* – бел. *примосток* ‘доска около печи, к которой прикрепляется пол’, бел. *прымурак* – рус. *лежанка* ‘выступ кухонной печи’, бел. *прысценак* – рус. *боковая пристройка*).

Таким образом, можно заключить, что сравнительный анализ семантических коррелятов с разной ВФС позволяет более точно охарактеризовать особенности семантики словообразовательных элементов. Кроме того, наличие идентичных словообразовательных типов в сопоставляемых языках не определяет идентичность ВФ их семантических коррелятов, а отсутствие некоторого словообразовательного типа, имеющегося в Я1, в Я2 не означает автоматической разницы во ВФ семантических коррелятов данных языков.

Очевидная разница во ВФ семантических коррелятов может представлять сложность как для людей, изучающих белорусский язык на базе русского и наоборот, так и для билингвов [3, с. 173; 4, с. 77]. В целях подтверждения вышесказанного проведен психолингвистический эксперимент, в рамках которого была поставлена задача выявления зависимости между различием ВФС семантических коррелятов и степенью простоты их перевода.

В эксперименте приняли участие 52 респондента, заявившие, что с детства знают белорусский язык и, если и не используют его в бытовой сфере повседневно, то по крайней мере понимают его и способны порождать тексты на белорусском языке (следовательно, билингвизм данной группы респондентов в целом может быть охарактеризован как репродуктивно-продуктивный пассивный). В задачу информантов входило перевести 50 белорусских слов на русский язык. Материал для эксперимента подбирался следующим образом: поскольку необходимо было выявить зависимость между отличием во ВФС семантических коррелятов и трудностью их перевода, опрашиваемые получили 25 семантических коррелятов, ВФС которых совпадала в русском и белорусском языках, и 25 слов с различной ВФС в обоих языках. Необходимым условием выбора номинаций стала их принадлежность к лексике общеупотребительной, что должно было гарантировать знание данных лексем информантами. Семантически производные белорусские лексемы не были задействованы в эксперименте, поскольку белорусские эквиваленты были представлены респондентам без контекста для того, чтобы в процессе перевода исключить контекстуальные подсказки и принудить информантов ориентироваться только на ВФС. Среди коррелятов с совпадающей ВФС были такие белорусско-русские пары, как бел. *сузор’е* – рус. *созвездие*, бел. *сучаснік* – рус. *современник*, бел. *апек* – рус. *ожог*, бел. *прыпынак* – рус. *остановка*, бел. *разлік* – рус. *расчет*. Среди белорусско-русских пар с различной ВФС фигурировали бел. *вясляр* – рус. *гребец*, бел. *дамаўласнік* – рус. *домовладелец*, бел. *выкрывальнік* – рус. *обличитель*, бел. *могілкі* – рус. *кладбище*, бел. *вітальня* – рус. *прихожая*, бел. *вяршкі* – рус. *сливки*.

В результате эксперимента было выявлено, что 52 % опрошенных смогли правильно перевести все лексемы, которые не отличаются ВФС в русском и белорусском языках, и что 90 % респондентов перевели более 20 слов из 25 (т. е. 80 % лексем с одинаковой ВФС в русском и белорусском языках). Что же касается слов, ВФ которых обнаруживает отличие в обозначенных языках, то никто из опрошенных не смог правильно перевести все относящиеся к данной группе белорусские эквиваленты на русский язык. В среднем респонденты правильно перевели только половину белорусских эквивалентов.

Анализ ответов, данных респондентами, приводит к выводу, что в условиях пассивного билингвизма с явным доминированием русского языка значительная часть информантов при попытке перевода белорусских эквивалентов с отличающейся от русских лексем ВФС на русский язык активно ориентируются на ВФ предложенных слов и больше всего на семантику корня, которую пытаются развить так, чтобы найти соответствующий ему русский эквивалент. Следующие примеры переводов подтверждают эту мысль: *бел. *выкрывальнік* – рус. *покрывало*, *поддодеяльник*, *закройщик*.

Восприятие Я2 в соответствии с моделями, релевантными для Я1, приводит к тому, что информанты пытаются «буквально прочесть» морфемную структуру слов, что приводит к переводам типа *бел. *рэчышча* – рус. *большая река*, *речица*; *бел. *прызба* – рус. *крыльцо*.

В случае незнания респондентами значения белорусского слова можно также получить переводные эквиваленты, свидетельствующие о поиске слова с синонимичной ВФС, однако значение его кардинально отлично от зафиксированного в словарях: *бел. *немаўля* – рус. *молчун*; *бел. *непісьменны* – рус. *устный*, в чем можно наблюдать замеченное еще А. А. Потебней свойство ВФС только направлять мысль, отнюдь не исчерпывая собой весь массив сем слова.

Данные количественные и качественные показатели служат доказательством того, что различие во ВФС в разных языках может быть рассмотрено как дидактическая проблема. Совпадение ВФС семантических коррелятов в двух языках помогает говорящим осуществлять «буквальный» перевод лексем. Различие же ВФС семантических коррелятов, как показывает эксперимент, становится источником трудностей при усвоении и использовании лексики, поскольку в условиях билингвизма словообразовательные модели вкуче с ВФ лексем доминирующего языка дают на языковое сознание говорящих, порождая интерференцию. Таким образом, среди проявлений лексической интерференции, наряду с «цитатными словами», межъязыковой омонимией, полисемией и паронимией, деформацией слов [5, с. 76], можно

выделять и механическое калькирование ВФС при переводе слова с одного языка на другой. Следовательно, различие ВФ семантических коррелятов является одной из явных причин интерференции.

Выводы.

1. Изучение ВФС в словообразовательном аспекте необходимо для более точной характеристики семантики аффиксов.
2. Не существует прямой зависимости между отсутствием словообразовательного типа исходного языка в языке перевода и отличием ВФ семантических коррелятов, относящихся к данному типу в исходном языке.
3. Наличие одного и того же словообразовательного типа в сопоставляемых языках не гарантирует совпадения ВФ семантических коррелятов.
4. Различие во ВФ семантических коррелятов является одним из значимых источников интерференции и потому может быть рассмотрено как определенная лингводидактическая проблема.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва: БРЭ, 2002. – 707 с.
2. Русская грамматика: в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. С. Авилова [и др.]. – Москва: Наука, 1980. – 783 с.
3. Новикова, И. В. Внутренняя форма слова как объект исследования / И. В. Новикова // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2010. – № 3. – С. 171–175.
4. Медведева, И. Л. Опора на внутреннюю форму слова при овладении иностранным языком / И. Л. Медведева // Слово и текст в психолингвистическом аспекте. – Тверь, 1992. – С. 73–80.
5. Затовканюк, М. Классификация явлений языковой интерференции (на материале лексики и грамматики) / М. Затовканюк // Русский язык за рубежом. – 1973. – № 2. – С. 74–77.